

ОПУБЛИКОВАТЬ СТАТЬЮ

в изданиях НИЦ "Социосфера"



[ПОДРОБНЕЕ](#)

СОЦИОСФЕРА

- *Российский научный журнал*
- *ISSN 2078-7081*
- *РИНЦ*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным наукам*

PARADIGMATA POZNÁNÍ

- *Чешский научный журнал*
- *ISSN 2336-2642*
- *Публикуются статьи по социально-гуманитарным, техническим и естественно-научным дисциплинам*

[ПОДРОБНЕЕ](#)



СБОРНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

- *Широкий спектр тем международных конференций*
- *Издание сборника в Праге*
- *Публикуются материалы по информатике, истории, культурологии, медицине, педагогике, политологии, праву, психологии, религиоведению, социологии, технике, филологии, философии, экологии, экономике*



[ПОДРОБНЕЕ](#)



Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
International Islamic Academy of Uzbekistan
Penza State Technological University
Belarusian State Academy of Music
New Bulgarian University

TRADITIONAL AND MODERN CULTURE: HISTORY, ACTUAL SITUATION, PROSPECTS

Materials of the XII international scientific conference
on September 20–21, 2022

Prague
2022

Traditional and modern culture: history, actual situation, prospects : materials of the XII international scientific conference on September 20–21, 2022. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2022. – 46 p. – ISBN 978-80-7526-582-1

ORGANISING COMMITTEE:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor (Penza, Russia).

Zebo Kh. Kasimova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of psychology of religion and pedagogy of the International Islamic Academy of Uzbekistan.

Nataliya Khristova, doctor of history, associate professor on the theory and history of culture of the art studies and history of culture department in the New Bulgarian University.

Nikolay V. Shimanskiy, candidate of art studies, assistant professor of the theory of music department in the Belarusian State Academy of Music.

Nicholay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

Svetlana N. Shumakova, PhD in Arts, assistant professor of Kharkov State Academy of Culture.

Iona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines traditional and modern culture. Some articles deal with ethical and environmental aspects of culture. A number of articles are covered a game and game culture. Some articles are devoted to reflection of the different art forms in modern culture. Authors are also interested in cross-cultural communication and issues of interaction of cultures in a globalizing world.

UDC 008

ISBN 978-80-7526-582-1

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2022.
© Group of authors, 2022.

CONTENTS



I. CULTURE: CONCEPT, THEORY, HISTORY RESEARCH

- Семилет Т. А.**
Психология культур в эпохальном и региональном измерениях:
дидактический аспект.....5
- Фотиева И. В.**
Проблемы оснований современной культурологии8

II. HEALTH, FAMILY, ECONOMY, EVERYDAY LIFE IN THE CONTEXT OF DIFFERENT CULTURES

- Петрушина Е. А.**
Санитарная культура крестьянского населения Симбирской губернии
на рубеже XIX–XX веков 11

III. TRADITIONAL CULTURE AND ITS HERITAGE: PROBLEMS OF PRESERVATION, USE AND DEVELOPMENT

- Danilova A. V.**
Traditions and innovation in the musical aesthetics of Russia
in the 17th century 17
- Рябчиков С. В.**
Извещение о смерти боспорского царя Рескупориди II
и о правлении боспорского царя Котиса III на плите
из античного поселения Биели в Крыму: семантика древних терминов..... 19
- Пирназарова Д. А.**
Бердақ Фарғабай улының мийраслары 29

IV. THE REFLECTION OF THE DIFFERENT ART FORMS IN MODERN CULTURE

- Попов А. В.**
Коммеративное пространство модерна в творчестве А. А. Мыльникова... 32
- Шумакова С. М.**
Сценічні практики ХХІ століття: «обрис і мова» сучасної
соціокультурної дійсності 34

Дорошина Е. Б. Аниме-индустрия как контекст исследований медиаконтента.....	36
---	----

V. INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE AND MEDIA CULTURE

Арзиев Р. А. Медиамарказларнинг ташкилий-институционал тизимлари	38
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2022 году	42
Информация о научных журналах	43
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	44
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	45



I. CULTURE: CONCEPT, THEORY, HISTORY RESEARCH



ПСИХОЛОГИЯ КУЛЬТУР В ЭПОХАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. А. Семилет

*Доктор философских наук, профессор,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Алтайский край, Россия*

Summary. The article presents the results of the study, the object of which is the texts of famous thinkers, the subject is the reflection in the texts of the psychological originality of cultures distinguished by epochal and regional characteristics. Sources are given with identified versions of the group psychology of early forms of cultural existence (mythological stage), psychological dominants of the cultures of the West and East (Near and Far); the author's versions of the psychology of the era of the formation of the bourgeois society, the versions of the psychology of the new European (industrial society), as well as the author's projects of the socio-psychological features of the culture of the post-industrial/information society are explicated. The reasons for the choice of sources are the brightness and originality of the presentation of cultural psychological phenomena in the texts of works.

Keywords: psychology of culture; cultures of epochs; cultures of regions; author's versions.

В изучении культурно-исторического процесса важное значение имеет психологический ракурс рассмотрения смены эпох и дивергенции культурных регионов. Очевидно, что этот процесс невозможно представить всеохватно, во всем многообразии его проявлений. Однако, эту проблему можно решить посредством эвристически значимого приема – обращения к ярким и своеобразным версиям представления психологии эпохальных и региональных культур в произведениях авторитетных, признанных наукой авторов, чье мнение заслуживает внимания, расширяет кругозор, позволяет взглянуть на культурные процессы под необычным ракурсом, формирует критическое мышление и стремление подробнее разобраться в сути культурно-исторических феноменов. Основная задача при решении названной проблемы – выбор источников. Мы поставили целью выбрать по три источника в характеристике психологии эпох и регионов, которые максимально соответствуют заявленным параметрам. В итоге получили список из 18 произведений.

1. Пониманию культурно-антропологической сущности ранней формы культурного бытия и ее психологической специфики послужат работы: З. Фрейд «Тотем и табу» [14], Э. Тайлор «Первобытная культура» [13], М. Элиаде «Священное и мирское» [16]. В них показаны механизмы формирования социальности посредством запрета животных проявлений и дифференциации кровнородственных союзов (З. Фрейд); возникновение сферы сакрального и «ранней религиозности» (Э. Тайлор); способы мифо-

логизация пространства и времени, обустройства своей жизни в пространстве и времени, следуя мифическим образцам.

2. Яркие и своеобразные картины смены мифологической психологии религиозной, характеристики сущности произошедшего социально-психологического переворота мы находим у К. Ясперса в характеристике «осевого времени» [18], у Н. А. Бердяева в работе «Смысл истории» [2], Ф. Ницше в произведении «Антихристианин» [9]. В них представлены картины того, как в «осевое время» открываются философские смыслы бытия и нравственные императивы поведения народам Востока (Ясперс), как христианство вырывает человека из состояния рабской зависимости от природы, поднимает на новый уровень свободы (Бердяев); или, наоборот, обосновывается, что христианство формирует рабское сознание, подавляет естественную свободу человека противоестественными нравственными императивами (Ницше).

3. Разность религий приводит к формированию различных региональных культурно-психологических типов, для характеристики которых выбраны в соответствии с заявленными критериями работы В. В. Розанова «Место христианства в истории» [11], К. Г. Юнга «Различия между восточным и западным мышлением» [17], В. С. Соловьева «Три силы» [12]. В них экстравертивный склад христианской культуры Запада противопоставляется интровертивному иудаизму Ближнего Востока (Розанов) и психологии буддизма Дальнего Востока (Юнг), а также сравниваются доминантные психологические установки культур Востока – тотальное неразличимое слияние с целым, Запада – исключительное самоутверждение каждого, Славянского мира – добровольное и сознательное подчинение свободных личностей общему началу (Соловьев).

4. Для характеристики перехода от религиозной психологии к буржуазно-предпринимательской по критерию яркости и образности наиболее подходят работы И. А. Ильина «Кризис Безбожия» [5], М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [3], В. Зомбарта «Буржуа» [4]. Их сочетание создает проблемное поле выбора и осмысления обоснованных, но радикально отличных позиций: возникает ли новая социальная психология как результат успехов в научно-практическом освоении природы, отвративших людей от духовных проблем и забот о спасении души (Ильин); или же как усиление протестантского стремления к доказательству своей богоизбранности и надежды на посмертное спасение (Вебер); или же как результат поиска легких путей обогащения в обход религиозной этике (Зомбарт).

5. Наиболее яркое и образное представление о психологии промышленного общества дают работы А. Швейцера «Упадок и возрождение культуры» [15], Г. Лебона «Психология масс» [7], Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» [10]. Благодаря им можно увидеть, как научно-техническая гонка приводит к духовной депривации и смыслоутрате в общественной и личной психологии (Швейцер); к омассовлению личности и

ее поведению по модели толпы (Лебон); как психология «человека массы» приобретает господствующие позиции в обществе (Ортега-и-Гассет).

б. Для характеристики психологии постиндустриального информационного общества интересными представляются комплиментарные прогнозы относительно ее черт, описанные в работах Г. Маклюэна «Галактика Гутенберга» [8], М. Кастельса «Галактика Интернет» [6], Дж. П. Барлоу «Декларация независимости Киберпространства» [1]. По версии указанных мыслителей, новое информационное общество, основанное на теле- и интернет коммуникации, сформирует на глобальном уровне психологию человечества как дружного доброжелательного коллектива, порождающего у индивидов ощущение включенности в социальную целостность, соучастия и в происходящих событиях, и в судьбах других людей, психологию «глобальной деревни» (Маклюэн); в этой Галактике «Интернет» будут господствовать ценности свободы личности, стремление к самореализации каждого участника, установки а совместное творчество и созидание (Кастельс); свободное киберпространство станет территорией свободных и самостоятельных личностей, чья коллективная психология строится на принципах добра, взаимопонимания и установки на продуктивное сотрудничество через самореализацию в творчестве (Барлоу).

Благодаря такой подборке произведений, предназначенных для изучения психологии эпох и регионов, культурно-психологический процесс предстает как многоаспектный, неоднозначный, дискуссионный, что способствует активизации мысли, требует вынесения собственных оценок, формирует критическое мышление и дает яркую образную картину психологического разнообразия культурного развития.

Библиографический список

1. Барлоу Дж. П. Декларация независимости Киберпространства [Электронный ресурс] // Net Sago. 2008. Режим доступа: <http://netsago.org/ru/docs/print/3/0> (дата обращения 20.07.2022)
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 174 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2021. 352 с.
4. Зомбарт В. Буржуа. М.: Терра, 2009. 576 с.
5. Ильин И. А. Кризис Безбожия. Собр. Соч. М.: Русская книга, 1996, Т.1. С. 332-358.
6. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: «У-фактория», 2014. 324 с.
7. Лебон Г. Психология масс. СПб.: Питер, 2017. 224 с.
8. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. М.: Академический проект, 2018, 443 с.
9. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 17-94.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2016. 256 с.
11. Розанов В. В. Место христианства в истории. М.: Нобель Пресс, 2018. 48 с.
12. Соловьев В. С. Три силы // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 19-32.
13. Тайлор Э. Первобытная культура. М.: Академический проект, 2021. 627 с.
14. Фрейд З. Тотем и табу. М.: Азбука, 2012. 256 с.
15. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. М.: Прометей, 1993. 512 с.

16. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144с.
17. Юнг К. Г. Различия между восточным и западным мышлением [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://carljung.ru/Library/VostokZapad.htm> (дата обращения 20.07.2022)
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

ПРОБЛЕМЫ ОСНОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

И. В. Фотиева

*Доктор философских наук, доцент,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Алтайский край, Россия*

Summary. The article is devoted to the problems of modern cultural studies and its relationship with the philosophy of culture. The empirical nature of cultural studies is noted as well as the blurring of its initial foundations, coupled with the desire to build an integral system of knowledge. A possible revision of ideas about culture is proposed, taking into account ethical knowledge.

Keywords: culture; culturology; philosophy of culture.

Современная культурология как таковая до сих пор подвергается критическому анализу. Исследователи поднимают целый ряд вопросов: о предмете и методах культурологии, о ее «претензиях» на доказательное знание и пр. Детальный анализ здесь проводит, например, О. А. Балла, подчеркивая: «Культурология... претендует на то, чтобы – оставаясь (в идеале) именно наукой, быть... общей теорией всех дел человеческих»; для нее характерно «стремление увидеть все изучаемые явления *sub specie* культурного целого». При этом автор выражает сомнение: не ставит ли культурология таким образом перед собой невыполнимых задач, не заморожена ли «утопией Цельности» и не позиционирует ли себя как «физика второй Природы», ориентированная на тотальную рационализацию всего и вся, представляя собой «один из ответов западной культуры на травму дет-рационализации?» [1].

Эти вопросы выводят нас на тему продолжающихся обсуждений соотношения культурологии и философии культуры. Большинство авторов согласны в том, что в основании культурологии лежит целый ряд эмпирических теорий: этнографических, археологических, искусствоведческих и др., и «индуктивный метод, чей исходный материал локализован определенной ойкуменой... Поэтому в такого рода знании невозможны аксиомы и предельные обобщения... Культурологическое знание объемно, собирательно, комплексно, описательно. Философское – емко, интегративно, абстрактно» [4, с. 99–100]. По словам И. Я. Мурзиной, если философия обращается прежде всего к предельным смыслам человеческого существования, социология – к социальной реальности, то культурология занимает свое место, описывая и анализируя конкретные условия, при которых че-

ловек обретает высшие смыслы, и то, как они определяют его повседневное существование [3, с. 108–109].

Но здесь возникает интересная проблема, о которой пишет В. М. Межуев. А именно: слово «культура» имеет два основных значения – оценочное и описательное (нормативное и дескриптивное). То есть, с одной стороны, оно означает *оценку* с точки зрения некоторой культурной нормы. С другой, – обозначает класс элементов, существующий *безотносительно к любой оценке*. За этим скрывается и разное представление о культуре. «С научной точки зрения любая возрастная, половая, национальная, социальная человеческая группа обладает своей культурой... Но можно ли различать людей... по уровню их культурного развития, т. е. считать одних людей более культурными, чем другие? И откуда тогда берется та норма, по которой мы судим об этом уровне, что служит критерием для его измерения? [2, с. 6–7].

Один из ответов, как известно, предлагают религиозная философия и теология. Здесь можно выделить работы П. Тиллиха, усматривавшего религиозную основу в любом явлении культуры; при этом атеистическая культура, по его мнению, невозможна в принципе, так как она по-своему выражает «предельный интерес», озабоченность, тревогу, что говорит о реакции духа на отклонение от верного пути [5]. Но здесь закономерен другой вопрос: можно ли считать, что в основании многих форм современной культуры (масс-культура, молодежные субкультуры, всевозможные перформансы и инсталляции и т.п.) действительно лежит экзистенциальная тоска по «предельным вопросам»? Не редуцировались ли эти формы к простому «самовыражению» при отсутствии смысловой глубины и содержания? И если отвечать утвердительно, то придется еще раз уточнять само понятие культуры, заново поднимая вопросы о культурных нормах, критериях культурного, которые сегодня крайне размыты. Очевидно, что не все, созданное человеком, может быть отнесено к культуре – достаточно вспомнить оружие массового уничтожения или газовые камеры. Но, помимо этих очевидных примеров, могут вызвать серьезные сомнения и не столь человекоубийственные явления, – например, ряд компьютерных игр, которые прямо провоцируют агрессию (скажем, сюжет видеоигры канадской студии Relic «Company of Heroes 2» основан на крайне искаженных событиях Второй мировой войны, с массой жестокостей, которые должен совершать игрок).

Таким образом, мы выходим в плоскость этики, причем, многие этические нормы также будут нуждаться в переосмыслении в связи с усложнившимися реалиями сегодняшней жизни. И, возможно, на этом пути произойдет пересмотр некоторых исходных оснований, равно как и подходов и методов современной культурологии.

Библиографический список

1. Балла О.А. Из заметок к критике культурологического разума // Знамя, № 2, 2009. = <https://znamlit.ru/publication.php?id=3835>
2. Межуев В.М. Философия культуры в системе современного знания о культуре // Проблемы философии культуры. – М. : ИФРАН, 2012. С. 3–17.
3. Мурзина И.Я. Современные проблемы культурологии и образование // Образование и наука. 2012. № 9 (98) 106 с.
4. Оганов А. А. Современная проблематика философии культуры // Философия и общество. 2007. № 2. С. 99–119.
5. Тиллих. П. Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995.



II. HEALTH, FAMILY, ECONOMY, EVERYDAY LIFE IN THE CONTEXT OF DIFFERENT CULTURES



САНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Е. А. Петрушина

*Научный сотрудник,
Государственный историко-мемориальный
музей-заповедник
«Родина В. И. Ленина», г. Ульяновск, Россия*

Summary. The article examines the state of sanitary culture of the peasant population of Simbirsk province at the turn of the XIX–XX centuries. The reasons for the high morbidity and mortality in the province and examples from the practice of zemstvo doctors are given. The low level of personal sanitary culture of the population is considered as one of the main reasons for the spread of acute infectious diseases. The ways proposed by the zemstvo doctors to increase the level of knowledge in the field of sanitation and hygiene are indicated.

Keywords: sanitary culture; hygiene; Simbirsk province; history of healthcare; peasantry.

В последнее время в связи с распространением острых респираторных вирусных инфекций и острозаразных инфекционных заболеваний тема повышения уровня санитарной культуры населения становится все более актуальной. Санитарная культура направлена на сохранение здоровья населения, предупреждение распространения болезней, поддержание жизнеспособности популяции.

В обществе санитарная культура представлена материальными предметами (в их числе водопровод, канализация, медицинская литература), социальными установлениями (институтами и традициями), а также духовными ценностями (человеческая жизнь является высшей ценностью) [11].

Личная санитарная культура человека предполагает наличие необходимых гигиенических знаний, умений, навыков, направленных на оздоровление окружающей среды и сохранение здоровья. Уровень санитарной культуры определяется наличием предметов личной гигиены, умением ими пользоваться, сформированностью гигиенических навыков, обращаемостью за медицинской помощью.

В конце XIX – начале XX века население Симбирской губернии страдало от таких заболеваний как дифтерит, грипп, корь, скарлатина, дизентерия, сифилис, тиф, холера, сибирская язва, натуральная оспа, чесотка и многих других, что свидетельствовало о крайне неблагоприятной санитарной ситуации и низком уровне личной санитарной культуры населения. В 1890-х годах вопросы развития санитарии стали предметом регулярного

обсуждения на губернских земских собраниях и на съездах врачей. Началось проведение санитарных исследований уездов [8, с. 104].

Причинами высокой заболеваемости, распространения эпидемий, смертности в губернии считались сильная загрязненность мест проживания, отсутствие водопровода, канализации, бытовые условия, бедность населения, неграмотность и распространенные в народе суеверия и предрассудки, недоступность в ряде случаев медицинской помощи, отсутствие гигиенических навыков и несоблюдение элементарных гигиенических правил.

Не способствовала получению больными профессиональной медицинской помощи отдаленность медицинских учреждений. Например, расстояние большинства селений Резоватовской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии от участковых больниц составляло 25–30 верст. Проезд в весеннее половодье в одну из больниц был совершенно невозможен. В большинстве случаев население волости пользовалось лишь помощью участкового земского фельдшера, который жил в селе Резоватове и имел только походную аптечку и карманный набор инструментов [4, с. 210].

О недостаточном обеспечении жителей Симбирской губернии медицинской помощью свидетельствуют следующие цифры: на одного врача в среднем приходилось 33 763 жителя и 44 селения, на одного фельдшера – 8 637 жителей и 11 селений (при этом не принимается в расчет число жителей и врачей Симбирска и Сызрани) [1, с. 41].

В письме Г. В. Сороковикова в редакцию «Врачебно-санитарного листка Симбирской губернии» обозначалась проблема благоустройства мест проживания: «...везде навоз и навоз, а в навозе конечно у крестьян и отбросы человеческие, а все это сваливается тут же на дороге, у самой околицы, вблизи жилых помещений <...>. Кроме того, всякому известно, какая грязь окружает каждого жителя в его собственном дворе». Автор письма указывал на такое положение вещей как на причину эпидемии дифтерита, которая при определенных условиях «опять усиливается и уносит несколько десятков жертв» [1, с. 102].

Неблагоприятные условия проживания разных народов региона описывались в исследовании «Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье», впервые изданном в 1901 году. Отмечалось, например, что если жилище у зажиточных татар содержится «весьма опрятно», то простонародье «живет довольно грязно. Чесотка, лишай, парши на голове от грязных тюбетеек, не пропускающих головных испарений и пр. указывают на присутствие <...> какой-то особой нечистоплотности...» [12, с. 168].

Мордовские избы, мало чем отличающиеся от русских, топились часто по-черному, нередко пол заменяла земля, «убитая сверху глиной». Зимой в избе помещались телята, ягнята, поросята, куры, и воздух был «пропитан одуряющим запахом». Из-за промерзания насквозь маленьких окон ощущалась нехватка дневного света. Кроме этого, «всюду грязь, нечисто-

та, по щелям тысячи тараканов, везде висит паутина, обитатели часто страдают кожными и глазными болезнями» [12, с. 180].

Чувашские жилища напоминали мордовские и отличались такой же нечистоплотностью [12, с. 173], а болезни чувашский народ расценивал как действия злых богов: дух смерти поражал внезапной смертью, леший – внутренними болезнями, дух Йирихь – наружными болезнями. Верили, что боль в пояснице и резь в животе насылаются мертвецами, требующими поминовения [12, с. 174]. Общее антисанитарное состояние крестьянского жилища усугублялось отсутствием у населения элементарных представлений о необходимости и способах поддержания в доме чистоты и опрятности [13, с. 19].

В большинстве случаев главным фактором распространения заразных болезней врачи считали неграмотность и низкий культурный уровень населения. На это указывал в 1901 году доктор А. П. Воскресенский в письме, отрывок из которого был опубликован во «Врачебно-санитарном листке Симбирской губернии»: «от незнания гигиенических истин в народе развивается множество болезней, особенно наружных. Заразные болезни, эпидемии у нас не переводятся, и борьба с ними затруднительна при темноте народа: без содействия со стороны самого населения – все составляемые санитарные правила не приносят пользы» [4, с. 195]. А. П. Воскресенский превыше всего в борьбе с заболеваемостью крестьян считал профилактику, средство которой видел в народном образовании и санитарном просвещении [7, с. 258].

На V Всероссийском съезде Общества русских врачей говорилось о необходимости изыскать способы пересмотра медицинских изданий, доступных пониманию народа, улучшения их качества и увеличения количества. Излагались следующие требования: хороший, литературный, без подделки под народное наречие слог; серьезное, не сухое, но живое, образное, интересное изложение предмета; изложение ясное, общедоступное, научно точное и с освещением вредных народных обычаев и предрассудков. Признавалось желательным указание на уход за больными, но не на лекарственные средства [1, с. 160–161].

Невежество крестьянских масс, народные обычаи и суеверия называли среди условий распространения дифтерита – «прощание с покойниками, целование, подарки вещей от умерших» [1, с. 125]. При появлении эпидемической болезни среди детей матери несли и здоровых и больных в церковь для причащения [5, с. 7]. Дифтеритом в Симбирской губернии в 1896 году заболели 6 737 человек, умерли 1 155, при этом отмечалось, что благодаря усиленным заботам администрации, земств и врачебного персонала заболеваемость дифтеритом снизилась по сравнению с 1895 годом наполовину, а число летальных исходов уменьшилось на 3 201. Такие показатели расценивались как значительное ослабление этой эпидемической болезни [9]. Однако уже на следующий год количество заболевших дифтеритом выросло и составило 9 631 человек [10].

В рамках борьбы с эпидемией дифтерита в селах и городах использовалась дезинфекция. Однако эта мера прекращения болезни вызывала у населения, по словам В. П. Кармазинского, неудовольствие, неприязнь и нередко вражду. Дезинфекция в большинстве случаев проводилась без согласия, что вызывало противодействие со стороны крестьянского населения [1, с. 122].

Изоляция больных как метод профилактики распространения заразных заболеваний, в том числе и дифтерита, признавалась неосуществимой в крестьянской избе, поскольку в одном помещении с людьми находился скот, а отношения не только между членами одной семьи, но и между «шабрами», и между населением всей деревни были настолько тесными и неизбежными, что «возлагать какие-либо надежды на подобную изоляцию было бы, по меньшей мере, смешно» [1, с. 424].

Серьезное влияние на здоровье оказывала эпидемия сифилиса. Врач А. И. Ефимов писал, что сифилис в крестьянской среде почти исключительно бытовая болезнь и указывал, что бытовой способ распространения заболевания является прямым следствием низкой культуры и невежества народных масс [2, с. 476]. У русских встречались все формы этого заболевания, у татар, чуваш и мордвы заразные формы были развиты слабее. Заражение происходило чаще всего через грудное вскармливание, уход за своими и чужими детьми, поцелуи, использование общей посуды, общей одежды, из-за тесноты в общих банях и т.п. [4, с. 273].

А. И. Ефимов полагал, что для успешной борьбы с сифилисом первым делом следует поднять культурный уровень крестьянского населения и улучшить его быт. Необходимыми мерами признавались широкая популяризация сведений о сифилисе; снабжение популярными изданиями школьных библиотек, земских больниц, народных школ, чтобы учитель мог познакомить школьников с основными понятиями о данной болезни; устройство специальных курсов для учителей; беседы врача с населением, сопровождающиеся картинками волшебного фонаря; выяснение вопроса о влиянии на распространение заболевания отхожих промыслов [2, с. 476–479].

Для борьбы с детскими эпидемиями в сельской местности устраивались ясли-приюты. Доктор С. И. Любославов, заведующий больницей в Солдатской Ташле указывал, что ясли оказывали благотворное влияние не только на детей, вместе с ними воспитывались их родители, приучаясь к более-менее правильному уходу за детьми и особенно к правильному питанию [4, с. 384].

В приютах-яслях в Сызранском уезде Симбирской губернии дети регулярно умывались: утром после сна, перед обедом, ужином и сном, вытирались специально предназначенными для этого полотенцами. Два раза в неделю посещали баню, два раза купались в Волге, меняли одежду, для чего одна смена одежды была сшита на средства попечительства. Дети регулярно питались: те, кому более 1 года 6 месяцев, в 7 часов утра получали молочную кашу и стакан молока, в 10 часов кусок черного хлеба, в час дня

– мясной суп, в 4 часа дня хлеб, в 7–8 часов вечера мясной суп и масленую кашу. «Кашникам» (детям до 1 года 6 месяцев) давали молоко и кашу, и всем – «хлеба сколько угодно, но чтобы дети зря не бросали и не портили – не более одного фунта» [3, с. 91]. Отмечалось, что дети чувствовали себя очень хорошо, всегда были чисты, ни разу не наблюдалось заболевание летними поносами.

В селе Болтине Ардатовского уезда ясли матерями поначалу воспринимались как «выдумка антихриста», затем женщины говорили: «Вишь как гоже придумано, вот милость-то Божеская! Дай Бог здоровья, кто это выдумал!» [6, с. 137].

Детская заболеваемость и смертность также зависели от уровня личной санитарной культуры их родителей. При беременности и родах к акушеркам роженицы обращались чрезвычайно редко, главным образом, из-за предрассудков, укоренившихся в крестьянской среде.

Родовой акт по крестьянским понятиям считался настолько физиологическим явлением, что присутствие при нем врача или акушерки признавалось совершенно излишним. Укоренившийся взгляд, что женские половые органы «нечистые», «поганые», влекло пренебрежительное отношение, и в глазах крестьянок уход за ними казался смешным и нелепым делом. Женщина во время беременности и родов считалась существом нечистым, шесть недель не допускалась в церковь. Крестьянки стремились скрывать наступление родов: верили, что чем меньше людей знают об этом, тем легче роды протекают. Крестьянки не доверяли акушеркам, если те не были замужними или вдовами. Деревенские повитухи, работающие не из корыстных побуждений и смотрящие на свое ремесло как на богоугодное дело, имели большой престиж [4, с. 520–521]. Избегали приглашать акушерок и врачей также и потому, что последние велели соблюдать чистоту, а сами крестьянки при родах старались быть в самом старом и грязном тряпье, негодный хлам служил и подстилкой и покрывалом [4, с. 524].

По словам земского врача А. И. Ефимова, акушерское дело в деревнях оставалось в руках диких, невежественных повитух. Описывался случай, когда три местные «бабки» принимали роды у девятнадцатилетней женщины. Когда все действия при затянувшихся родах – смазывание живота роженицы мылом, назначение внутрь коровьего масла, пролезание через хомут – остались безуспешными, одна из повитух большим хлебным ножом произвела какие-то манипуляции в родовых путях женщины. Ребенок родился с громадной раной на голове (рана тянулась от середины правой теменной кости до левого сосцевидного отростка через малый родничок). Затем произошла задержка последа, повитухи стали тянуть пуповину и оторвали ее у места прикрепления к последу. Только через два дня последовало обращение к акушерке. Раны роженицы были покрыты гнойным налетом, ребенок умер [4, с. 516–517].

Подобные методы лечения применялись в области «народной психиатрии». А. В. Шпунов описал случай лечения Степана П., крестьянина Бу-

инского уезда, заболевшего «манией». Больного повели к бабам, которые решили, что в больного вселился бес; беса нужно было испугать и выгнать. Больного вывели в поле, где его отец неожиданного выстрелил из ружья ему через плечи. Когда после этого выздоровление не наступило, лечение решили повторить. На этот раз больного поставили на четвереньки и отец выстрелил между его ног. В результате – ожог и рваная рана полового органа. Когда рана начала гноиться, больного отправили для лечения в земскую больницу, откуда он поступил в колонию для душевнобольных [2, с. 542].

Таким образом, личная санитарная культура основной массы крестьянского населения Симбирской губернии на рубеже XIX–XX веков оставалась на низком уровне, и требовалось принятие необходимых мер повышения как общего культурного уровня населения, так и образования в области санитарии и личной гигиены.

Библиографический список

1. Врачебно-санитарный листок Симбирской губернии за 1896 год. – Симбирск, 1896.
2. Врачебно-санитарный листок Симбирской губернии за 1898 год. – Симбирск, 1898.
3. Врачебно-санитарный листок Симбирской губернии за 1900 год. – Симбирск, 1900.
4. Врачебно-санитарный листок Симбирской губернии за 1901 год. – Симбирск, 1901.
5. Врачебно-санитарный листок Симбирской губернии за 1902 год. – Симбирск, 1902.
6. Врачебно-санитарный листок Симбирской губернии за 1904 год. – Симбирск, 1904.
7. Евдокимов П.П. Здравоохранение Симбирской губернии в 70 – 80-х гг. XIX века // Краеведческие записки. – Ульяновск, 1971. – Вып. 3. С. 243 – 261.
8. Низамова М.С. Эволюция системы земского здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы в Поволжском и Уральском регионах в период 1864–1917 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 150, кн. 1. Гуманитарные науки. 2008. С. 100–106.
9. Обзор Симбирской губернии за 1896 г. – Симбирск: Тип. Губ. правления, 1897.
10. Обзор Симбирской губернии за 1897 г. – Симбирск: Тип. Губ. правления, 1898.
11. Прохоров Б.Б. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. – Ростов-на-Дону, 2005. URL: https://human_ecology.academic.ru/1567/Культура_санитарная (дата обращения: 07.07.2022).
12. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. Под редакцией В.П. Семенова. Репринтное издание. – Ульяновск: «Дом печати», 1998. – 600 с.
13. Чуркин М.К. Физическое здоровье крестьянства Черноземного центра Европейской России как фактор адаптационной готовности к переселениям в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2014. – С. 12–22.



III. TRADITIONAL CULTURE AND ITS HERITAGE: PROBLEMS OF PRESERVATION, USE AND DEVELOPMENT



TRADITIONS AND INNOVATION IN THE MUSICAL AESTHETICS OF RUSSIA IN THE 17TH CENTURY

A. V. Danilova

*Candidate of Philosophical Sciences,
Vladimir State University named after
A. G. and N. G. Stoletovs Institute of Arts
and Art Education,
Vladimir, Russia*

Summary. The article is devoted to the consideration of some important features of Russian musical aesthetics and theory in the 17th century. The author analyzes them from the point of view of the collision of innovative and traditionalist tendencies of development.

Keywords: znamenny singing; partes style; hook notation; musical notation.

In the 17th century, Russian musical-theoretical and aesthetic thought faced problems of unprecedented severity. A turning point is coming in the 500-year-old development of church singing art. Changes affected all its areas:

- a form of written fixation of music (European musical notation replaces the ancient hook notation),
- performance traditions (znamenny unison singing replaces the new partesny polyphonic choral style),
- the genre system (the canonical system of genres is being transformed by the increasingly popular cant and concerto).

Traditional – new, national – European. These oppositions are at the center of a tense controversy, reflecting the dramatic nature of the situation, when the fate of singing art was being decided along with the fate of Russian culture.

In the West at this time, too, there is a tense dialogue between «traditionalists» and «modernists». However, in Russia, behind the concepts of «old» and «new» are completely different realities compared to Western European culture. The uniqueness of the Russian situation is that here the medieval type of musical thinking (znamenny monody, early polyphony) and baroque (choral concert style) directly collide, and the stage of Renaissance counterpoint is absent.

The path of development of polyphony, which Western European art has passed in 700 years, Russia has passed in 100. The situation is similar with musical notation. In Russia, the notolinear system was opposed to the Kryukov one only in the 17th century. There was a clash of fundamentally different concepts of hearing and fixing the musical process.

If in the West the problems of the new style were discussed in an enlightened humanistic environment, then in Russia the formation of new ideas took place within the church culture and was perceived as an inoculation of a foreign, opposed to the original Russian.

Partes singing was perceived by the zealots of antiquity not just as foreign, but as heterodox, Catholic, and therefore demonic. The demonism of the new style was also seen in those influences of secular instrumental music, which, of course, were reflected in it. However, the process of secularization of Russian art turned out to be irreversible. In the musical and aesthetic treatises of the second half of the 17th century, the medieval ideal of the artist – the «holy simpleton» – was finally overthrown in favor of enlightenment, secular book education.

In theory, as in practice, in the 17th century, not just different musical and aesthetic views collide, but fundamentally different concepts of life and culture – protective in relation to the national old Russian tradition and innovative, Western, baroque.

The most conservative group of traditionalists strives to keep hook singing. For another group of figures, the crisis of singing culture and the need for reforms are obvious. The beginning of the reform was laid by Ivan Shaidur («The Legend of the Litters»), and completed in the second half of the 17th century by Alexander Mezenets («Notice of the Most Consenting Litters»). Cinabar marks and ink signs of I. Shaydur and A. Mezenets were called upon to clarify the hook notation, not replacing it with musical notation. The work of A. Mezenets was the result of the development of the Znamenny notation and the last apology for the Old Russian monody.

The future was in the new partes style. Its theorists were Ioanniky Korenev (? –1681) and Nikolai Diletsky (1630–1690). Both belong to the Latinizing direction of Moscow figures and their works («Music Grammar» by N. Diletsky and «On Music» by I. Korenev) represent the Westernizing position in Russian music theory of the 17th century. Composer's work in these treatises appears as a rationally ordered scientifically organized process of work.

The mystical sophistry of ancient Russian Znamenny singing develops into the idea of individual composer's skill, armed with rules. The idea of the mystery of art, the chosenness of the artist, is opposed by the light of reason, which opens the doors of knowledge for everyone.

Bibliography

1. Diletsky N. P. The Idea of Musician Grammar [Text] = An idea of music's grammar / Publ., trans., research. and comment. V.I. Protopopov. – Moscow: Music, 1979. – 639 p.
2. Musical aesthetics of Russia in the XI–XVIII centuries [Text] / Comp. texts, trans. and general intro. article by A. I. Rogov. – Moscow: Music, 1973. – 244 p.

ИЗВЕЩЕНИЕ О СМЕРТИ БОСПОРСКОГО ЦАРЯ РЕСКУПОРИДИ II И О ПРАВЛЕНИИ БОСПОРСКОГО ЦАРЯ КОТИСА III НА ПЛИТЕ ИЗ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ БИЕЛИ В КРЫМУ: СЕМАНТИКА ДРЕВНИХ ТЕРМИНОВ

С. В. Рябчиков

Директор,
Фонд Сергея Рябчикова – Исследовательский
центр по изучению древних цивилизаций
и культур, г. Краснодар, Россия

Summary. The author of the paper considers two inscriptions on a slab from the Crimea which were written with the help of Scytho-Sarmatian signs and Greek letters. The records decoded inform in the religious terms about the death of the Bosporan king Rhescuporis II and about the continuation of the reign of his son Cotys III. The readings give the impetus to examine the relationships of several Indo-European words. As a result, some archaic words are reconstructed.

Keywords: the Scytho-Sarmatian script; the reconstructions of words; the Indo-European languages.

Рассмотрим скифо-сарматские тексты на плите из боспорского поселения Биели [5, с. 81, рис. 2], см. рис. 1.

Читаем надпись (а) на торце этой плиты так: «круг» **80**; «молния», т.е.: СОЛНЦЕ (определитель) *Ma*; *кoc*. – «(Богиня огня и Солнца) *Ma*; ОГОНЬ».

Читаем надпись (б) на лицевой стороне этой плиты так: «трезубец» **33**-«круг»-«трезубец» **77** ИН ОЛА, т.е.: *Куп- Ре-с-куп- Ко 17 ола*. – «(Из рода) Рескупоридов (царь) Рескупорид II (умер), с 17-го года (от начала его царствования правит царь) Котис (III)».

Данная плита, вероятно, была выставлена на всеобщее обозрение для местных жителей-негреков, которые, впрочем, в определенной степени владели древнегреческим языком. Поскольку в тексте надо было указать числительное, его автор предпочел древнегреческую систему счисления, а это подсказало ему возможность написания слова «год» при помощи греческих букв.

Знак «молния», который также передает слово «огонь», читается как *кoc* условно.

Имя Рескупорида II, записанное при помощи скифо-сарматских знаков, уже известно [3, с. 61, табл. XIII, рис. 1, 22–29]. Имя Котиса III передано с помощью скифо-сарматского знака **77** *ко* (*ка, го, га*), ср. подобную запись имени царя Котиса II в другом скифо-сарматском тексте [13, с. 162]. Теперь мы можем раскрыть монограмму на монете последнего [1, табл. 13, № 343; табл. 40, 49]: это – лигатура скифо-сарматского знака **12** *со* (сияние, Солнце), греческих букв ΝΕΡ (сокращенное имя римского императора Нерона) и скифо-сарматского знака **77** *ко* (*ка, го, га*). Читаем такую скифо-сарматскую надпись: *Со Нер(он), Ко*. – «Сияющий Нерон (и) Котис (II)».

Эта интерпретация подтверждается изображением головы Нерона на данной монете.

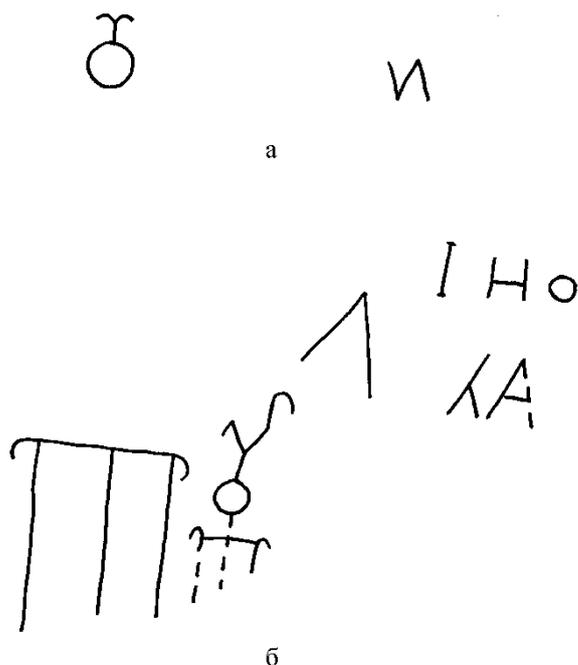


Рис. 1.

По В. А. Анохину [1, с. 118, 120], Рескупорид II правил с 211/212 г. по 228/229 г. (с 508 г. б.э. по 525 г. б.э.), а его сына Котис III – с 227/228 г. по 233/234 г. (он правил вместе с отцом в 524–525 гг. б.э.). На этом основании читаем греческие буквы ИH в надписи на рис. 1 как число 17. Действительно, получается, что Котис III воцарился, начиная с 17-го года правления Рескупорида II. Можно полагать, что тогда он стал соправителем отца, чтобы избежать прихода к власти родственника.

Переводим скифо-сарматское *ола* – «год», ср. древнеиранское («Авеста») *уаре* – «год» и древнегреческое *ωρα* – «год; сезон».

Итак, верховная богиня Ма (Афродита Урания, т.е. Афродита Небесная; она же – Табити; Рада или Рата; Ага или Яга и т.д.) приняла в свое загробное царство душу одного боспорского царя и освятила передачу всей полноты власти от него другому царю. Под огнем в прочитанном тексте следует понимать не только абстрактное понятие (в виде домашнего очага, а затем в виде зольника), но и те самые костры, которые возжигались во время тризны, а также костры, на которых приготавливалась мясная пища [7]. Ср. древнеиндийское *agni* – «огонь», осетинское *аг* – «котел» и персидское *ak̄h̄gār* – «горящие уголья; зола». Отголоски древней терминологии можно услышать в русских *огонь* и *очаг* (< *оч-аг*). В последнем слове сочетаются основы (корни) слов *око* (глаз) и *огонь* (в древнеиндийском *agni* выделяем корень *ag* и суффикс *ni*). Интересно древнее сопоставление глаза с источником света: ведь видно лишь то, что освещено. Ясно, в связи с этим, что русские *зрение*, *зреть*, *зырить* (пристально смотреть), *созреть*

и *заря* (солнечные лучи, осветившие небо рано утром либо поздно вечером) восходят к одному и тому же исходному слову [2, с. 234 сл.]. Ср. также древнеиндийские *akṣan, akṣi* – «глаз» и *śakṣas* – «глаз; зрение; сияние, свет»; *locana* – «глаз; освещающий, озаряющий»; *vidyut* – «сияющий; молния» и русское *видеть*.

Можно сказать несколько слов, чтобы понять роль этой великой богини в заупокойном культе.

На боспорском погребальном памятнике, который был обнаружен в Крыму, мы видим композицию, которая показана на рис. 2.



Рис. 2.

В данном сюжете представлен покойник – знатный воин из среды варваров, – который в образе бога-громовержца прискакал на коне к верховной богине огня и Солнца на погребальный пир для того, чтобы выпить священный напиток – сому. Позади этого всадника видна вторая лошадь. Обратим внимание на трон: на нем начертано имя этой богини при помощи скифо-сарматского знака **80** *Ma*. Отметим, что в древнегреческой надписи боспорского царя Савромата II ее имя записано как *Ma* [4, КБН 74]. Еще одно замечание: в нижней части изображения представлена та же самая богиня, сидящая на троне, украшенном солярной розеткой (ср. скифо-сарматский знак «Солнце»), а позади богини показан меч (его верхняя часть), будто бы висящий в воздухе на высоте.

По сообщению Геродота в его «Истории» (IV: 62), скифы устанавливали меч наверху большого нагромождения хвороста; скорее всего, затем они этот хворост поджигали. Здесь возможна игра слов: ср. скифо-сарматское *акинак* – «меч» (ср. персидское *akhangal* – «меч»), которое сохрани-

лось в качестве заимствования в древнегреческом языке, причем корень *ак-* или даже *аг-* в этом термине сопоставим с индоевропейскими словами, обозначающими огонь или же производные слова. Выделяем еще один корень, *нак-* (*наг-* или *наз-*?) – «нож; режущий предмет; меч», в слове *акинак*, ср. древнеиндийское *anīka* – «острие», древнеиранское («Авеста») *paēza-* – «острие», персидские *nokīlā* – «заостренный; острый», *nakh'* – «вонзить нож» и русские *нож*, *пронзить*, *нанизать*. Таким образом, скифо-сарматское *акинак* (*ак-и-нак*) буквально означает «огненное острие».

Как бы там ни было, получается, что великая богиня Боспора была взаимосвязана с воинами, она даровала им победу в сражениях. Следует иметь в виду, что в скифо-сарматском мире стрелы считались огненными; на наконечниках имеются соответствующие надписи [9]. Добавим, что на ряде скифских мечей и ножен изображены различные знаки и рисунки, среди них – солярные символы [6; интерпретация: 7].

Поэтому рассмотрим плиту из боспорского города Горгиппии (г. Анапа), на которой изображен варварский (скифский, сарматский, синдский) обряд побратимства [18, с. 76, № 31, фото 31], см. рис. 3.

Читаем эту надпись следующим образом: **59** «круг» **59 01**, т.е.: *Ta Ma* (*со, ра, Табити, Рада* и т.д.), *Ta da*. – «Жара – (богиня огня и Солнца) Ма (Солнце или Табити, или Рада и т.д.), жара дарует (силу)».

Скифо-сарматское *та* означает «жара; растопить», ср. персидское *tav* – «жара» и древнегреческое τῆκω (дорийское таκω) – «варить; плавить; сжигать (тела умерших); растопить». Не исключено, что это скифо-сарматское слово является однокоренным со скифо-сарматским *таб* (*тан*) – «жара; тепло; свет; Солнце; имя верховной богини огня и Солнца (*Табити*)».

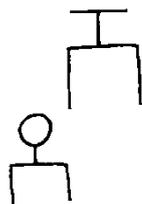


Рис. 3.

Лукиан Самосатский в сочинении «Токсарид, или дружба» (36) описал обряд побратимства у скифов: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи; а тут-то именно и нужны хорошие друзья. Поэтому мы и заключаем самую крепкую дружбу, считая ее единственным непобедимым и несокрушимым оружием» (перевод В. В. Латышева).

Вне всякого сомнения, варвары-побратимы клялись в таких случаях именем великой солярной богини (*Табити, Рада, Ма, Ага* и т.д.), которая, по их верованиям, даровала им победу в бою. Наше предположение подкреплено данной надписью.

Отметим, что Лукиан (38) сообщил имена двух побратимов: *Данда-мис* – «Вода дарует рыбу» (*Дан да мис*) и *Амизок* – «Подобный рыбе» (*А-мисо-к*). Похоже, что они стали называться общим именем (ср. персидское *mişyadat* – «рыболовная сеть» и древнеиндийское *maccha* – «рыба»).

Еще один заупокойный сюжет изображен на другом боспорском погребальном памятнике, который был обнаружен в Крыму (см. рис. 4).

Покойник – знатный воин в обличи бога-громовержца – прибыл на коне в небесный сияющий чертог богини огня и Солнца. Эти персонажи находятся в доме, фронтоном которого украшен скифо-сарматским знаком «Солнце». Конек этого дома-храма был выполнен в форме двух фигурок лошадиной головы, одна из которых не сохранилась.



Рис. 4.

Из Геродота (IV: 5, 8) мы знаем о родоначальнике скифов – боге Таргитае, который в эллинистической традиции именовался Гераклом. На землях Скифии, будто бы до появления здесь скифов, этот бог, сын бога-громовержца, вступил в любовную связь с полудевой-полузмеей, которая похитила у него лошадей. Имеются все основания полагать, что знатный покойник в глазах варварского населения Боспорского царства выступал в роли конного бога Таргитая; в скифо-сарматских текстах он именовался *Тара*, ср. древнеиндийское *tara* – «пересекающий; побеждающий; огонь»

[10, с. 173]. Полудева-полузмея (ср. древнеиндийское *naga* – «змея; гора; Солнце»; ср. также варварское имя *Арнак-*, [4, КБН 1262], т.е. *Ар нак*) – великая богиня, имевшая, в том числе, хтонические черты. Она получала и отдавала лошадей, а это, возможно, отражало скифо-сарматский обычай конских жертвоприношений на похоронах вождей и аристократии. Таким образом, совсем не случайно две конские головы украшали небесное жилище этой богини. Похороны знатного покойника, который считался в то время ни много, ни мало богом-громовержцем, превращались в брачный пир, и его небесной женой становилась сама богиня огня и Солнца. Тризна была земной составляющей этого брачного действия. По местным верованиям, в загробном царстве божественного сияния покойник получал от небесной царицы уже новых, божественных коней.

Если мы обратимся теперь к скифо-сарматским надписям в так называемой «энциклопедии сарматских знаков» на Керченской плите [3, табл. XXXV], то найдем здесь соответствующий текст (см. рис. 5).

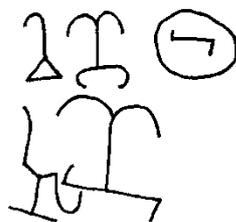


Рис. 5.

Читаем эту надпись следующим образом: **01-33 80** «молния» **72-76 12-80** «молния в круге», т.е.: *Дара Ма кос Пера сома кос СОЛНЦЕ* (определитель). – «Дарует (богиня Солнца и огня) Ма сияющая (богу-громовержцу) Перу сому в солнечном сиянии».

Скифо-сарматское *сома* означает «священный напиток», ср. древнеиндийское *soma* – «священный напиток» и осетинское *сомы* – «клятва» (т.е. в скифо-сарматские времена пили сому и давали клятву).

В данном случае, имя *Пера* сопоставимо с именем славянского бога-громовержца Перуна. С другим вокализмом это слово вошло в теофорное имя боспорского царя Перисада III (*Паури-сад-* – «Находящийся возле (бога-громовержца) Перы»), причем его жена Камасария была явно негреческого происхождения. Интересно, что правитель на своих монетах размещал рисунки, имевшие отношение к культу бога-громовержца: «грифон» и «голова быка» [1, табл. 5, №№ 162 и 165].

Боспорские цари Перисад IV и Перисад V из этой же династии ставили такие пометки на своих монетах: ΔΙ [1, табл. 5, №№ 171 и 172, табл. 6, № 179в], т.е. слово, относящееся к имени древнегреческого бога-громовержца Зевса (Δι – «к Зевсу»), а также ΚΤΗ [1, табл. 6, № 179б], а это слово, очевидно, является сокращением древнегреческого κτηνος – «домашнее животное из рогатого скота».

Можно раскрыть на монете такую монограмму [1, табл. 6, № 187б; табл. 40, 11], которая является скифо-сарматским словом **77-59** *ка-та* (*га-та* и т.п.) – «скот». Здесь уместно вспомнить о катиарах, одном из скифских племен по Геродоту (IV: 6), причем этот термин, по нашему мнению, обозначал скотоводов.

Кроме того, на одной из монет отчеканено имя НРА, а на другой – монограмма, которую мы раскрываем как слово *Ар-* [1, табл. 6, № 186д; № 187а, табл. 40, 10]. Можно допустить, что во втором случае так была обозначена богиня Ара (ср. древнеиндийские *arci* – «солнечный луч на рассвете» и *arjuna* – «белый», персидское *arzan* – «искры огня» и русское *яркий*) – скифо-сарматская солярная богиня Аргимпаса, которая была связана с крупным рогатым скотом [7], а в первом – древнегреческая богиня Гера, выбранная по созвучию этих имен. Известно, что супруга Зевса именовалась «Волоокой», ей в жертву приносили корову.

На двух монетах [1, табл. 6, № 188; табл. 40, 12; табл. 6, № 188а] мы выделяем, в первом случае, монограмму, которую раскрываем как букву М, а во втором случае, – букву М. Думается, что это были самые ранние письменные свидетельства почитания на Боспоре великой богини огня и Солнца по имени *Ма*.

По сути, династическими эпитетами царей Перисадов, названных в честь скифо-сарматского бога-громовержца, были разные слова, обозначающие быка. Можно вспомнить сюжет из древнегреческой мифологии: однажды Зевс в образе быка похитил Европу, дочь финикийского царя.

Рассмотрим скифо-сарматскую надпись на плите из Пантикапея [18, с. 105, № 49, фото 49], см. рис. 6.

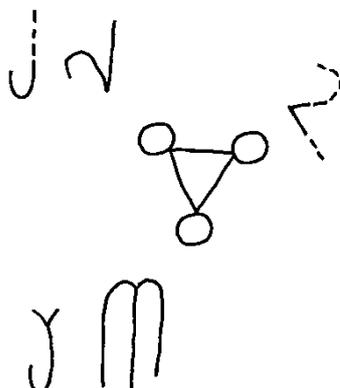


Рис. 6.

Этот текст сохранился частично, хотя его общий смысл понятен: здесь было описано погребение знатного жителя города из варваров. Читаем текст следующим образом: ... **76-33 80** «круг» «круг» «круг» **72** «конь» «конь» **76**, т.е.: ... *ра-ра Ма три ага-та Пе ду кена-та. Ра...* – «Сияющая (богиня огня и Солнца) Ма (встречает бога-громовержца) Пе (т.е. Перу) в трех огненных состояниях, (прискакавшего) на двух конях. Солнце...».

В 2014 г. во Всероссийском музее декоративного искусства (г. Москва) проходила выставка «Золото сарматов». Одним из экспонатов был фалар округлой формы, некогда служивший украшением упряжи боевого коня. Этот артефакт, обнаруженный в Астраханской области, датируется I в. н.э. В центре композиции мы видим треугольник, окруженный по сторонам головами трех грифонов. Полагаем, что главный символ этого кода – скифо-сарматский знак **72** *Пе* (имя бога-громовержца Перы). Основной смысл, заложенный в этом украшении, понятен: грозный бог воинов появляется сразу в трех состояниях (частях Вселенной) в образе грозных и огненных мифических существ, а поэтому враг неизбежно терпит поражение. Налицо совпадение символики фалара с главным знаком в надписи, прочитанной выше.

Кстати, по Лукиану (38), скифы клялись Ветром и Мечом. Ясно, что они клялись богом-громовержцем Перой (ср. древнеиндийское *parvata* – «облако; скала»), см. древнеиндийский миф в «Ригведе» (III: 53, 1), и богиней огня и Солнца Агой (см. об акинаке выше).

Добавим, что имя великой богини – *Ma* (Афродита Апатура) – упомянуто и в других скифо-сарматских надписях [8, с. 139; 11, с. 49; 13, с. 161, 163; 14, с. 9, 14; 15, с. 29, 31; 17, с. 3 сл.].

В поисках лексических параллелей для интерпретации образа великой богини Боспорского царства обратимся к мифологии и искусству персов. Следует иметь в виду, что на горельефах Сасанидского Ирана [20, р. 200] представлена богиня Ардви Сура Анахита, которая благословляет верховного правителя на царство. Эта богиня соответствует скифо-сарматской богине Раде (та же самая богиня *Ma* – верховная скифо-сарматская богиня Табити, ср. древнеиндийские *ūrdhva* – «высокий; поднятый», *vardha* – «увеличиваться», древнегреческие *ορθρος* – «рассвет», *ορθος* – «на высоте», русские *род*, *родить*, *урожай*, персидское *arda* – «хлеб» и, возможно, латинское *radius* – «луч света»; хеттское *maist-* – «луч света», древнеиндийское *marici* – «солнечный луч» и русское *маячить* (виднеться, будучи освещенным); древнеиндийские *tap* – «нагревать», *tapana* – «Солнце; жара», *tāpāna* – «Солнце; освещающий; горение», персидские *tap* – «жара», *tāb* – «тепло; жара; свет; луч», *āftāb* – «Солнце», латинское *tabere* – «плавить; растопить» и русские *теплый*, *растопить*). Особняком стоит осетинское *ард* – «клятва», относящееся к имени великой богини Рады.

В разделе «Яшт» (V) древнеиранского собрания священных текстов «Авесты» рассказано, что богиня Анахита прославляется напитком хомы (т.е. сомой), она светлая, высокая, добрая и мощная, у нее четыре коня белой масти в упряжке, она тоскует по храброму всаднику, у нее боги просят власть, а воины – силу. Кроме того, в соответствии с «Авестой», эта богиня, связанная с водами, движется по небу, проходя позади Солнца.

Анахита изображена на капители сасанидской колонны [19, р. 190, fig. 13]. Обращает на себя внимание тот факт, что богиня держит в правой руке, поднятой вверх, круглый предмет и перевернутый рог изобилия. По-

лагаем, что символ «круг» в данном контексте моделирует Солнце, а рог изобилия – источник дождя, который был вылит на землю. Следовательно, в древнеиранской религии Ардви Сура Анахита – солярная богиня плодородия и изобилия, причем ее водный аспект указывает на зимне-весенний период времени ее наибольшей активности, по-видимому, на циклический переход природы от смерти к жизни. Возможно, в течение суток наибольшая активность этой богини была утром. Здесь просматриваются некоторые свойства, присущие древнеиндийской богине Ушас и русскому сказочному женскому персонажу Яге [7].

Отметим совпадение следующих формул в русском и персидском языках. В русских народных сказках Баба Яга (женская ипостась бога огня Агни, всё та же богиня Табити или Ма, вытесненная на периферию общественного пространства, например, в лес) велит своей дочке: «Топи печь жарко-жарко». В современном иранском языке фраза *Āftāb garm ast* означает «Солнце жаркое». А ведь в скифо-сарматском языке, в соответствии с древними надписями, существовала такая формула: *Таб- гар- гар-* – «Солнце очень жаркое» [16, с. 12].

Итак, богиня Анахита характеризуется набором ключевых терминов: «высокая», «на высоте Солнца», «на высоте поднятой руки», «верх» и «солнечное сияние». С нашей точки зрения, в этих терминах закодировано исконное значение главного сакрального имени этой героини.

Переводим полное имя древнеиранской богини следующим образом: *Ardvi* (< **Vardhva*), *sura*, *anahita* – «Поднятая (или) Растущая (т.е. Небесная, иначе Сияющая) (богиня), сильная (и) непорочная». Она была способна, по древним верованиям, не только принять к себе храброго воина, но также наделить бога (или избранного богами человека) властью. Так что эта богиня имела много сходных черт с великой богиней Боспора.

Определимся теперь с некоторыми скифо-сарматскими теофорными именами, содержащими компоненты *Ма* и *Рада* (*Rata*), которые были зарегистрированы на Боспоре. Прежде всего, находим такие варварские имена в местных надписях на древнегреческом языке: *Мадак-* (*Ма да* – «(Богиня) Ма дарует»), [4, КБН 1282], и *Ариарат-* (*Ариа Рата* – «Арийская (богиня) Рата»), [4, КБН 359, 582, 638]. Вероятно, к ним можно причислить такое варварское имя: *Амардуак-* (< *А-Ма-Рад-*?), [4, КБН 1279]. Варварское имя *Мастак-* (*Ма сата = сада*), [4, КБН 1135], означает «Находящийся возле (богини) Мы», оно было образовано по тем же канонам, что и древнегреческие имена *Нраφανης* – «Явленный (богиней) Герой», [4, КБН 1137], и *Μητροφανης* – «Явленный матерью», [4, КБН 1259]. Варварское имя *Родигас-* (*Родиг ас*), [4, КБН 1279], означает «Слава (богини) Роды = Рады» (ср. древнеиндийское *yaśas* – «слава»); это имя является калькой с древнегреческого имени *Παρθενακλης* – «Слава Девы», [4, КБН 1315]. Отметим, что слово «Дева» – эпитет великой богини [4, КБН 74]. Варварское имя *Махордики* (*Махо Рад*), [4, КБН 202], означает «Сильная (богиня) Рада» (ср. древнеиндийское *maḥa* – «сильный; мощный; великий; изобильный»).

Автору настоящей работы удалось истолковать несколько знаков зарубинецкой археологической культуры (конец II в. до н.э. – начало II в. н.э.), которая считается праславянской [12]. Важными элементами этой письменности являются символ, тождественный скифо-сарматскому знаку **80 Ma** (имя великой богини), и символ, обозначающий коня. Можно утверждать, что древнейшие славяне стали восприимчивыми скифо-сарматской культуры. Неудивительно, что имена великой богини пережили темные века и появились у славян как *Яга*, *Лада* и *Макошь*.

Подведем итоги нашего исследования. Скифо-сарматские надписи на боспорской плите, обнаруженной недавно, дали импульс для поиска значений некоторых слов в их взаимосвязях на уровне индоевропейских языков.

Библиографический список

1. Анохин, В.А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
2. Афанасьев, А.Н., 1996. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. Москва.
3. Драчук, В.С., 1975. Системы знаков Северного Причерноморья (Тамгообразные знаки североопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). Киев.
4. КБН – Струве, В.В. (ред.), 1965. Корпус боспорских надписей. Москва – Ленинград.
5. Кучеревская, Н.Л., Белик, Ю.Л., 2020. К интерпретации тамгообразных знаков на памятнике из раскопок Биели // Таврические студии, № 22, с. 78-83.
6. Мелюкова, А.И., 1964. Вооружение скифов // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д1-4. Москва.
7. Рябчиков, С.В., 2002а. Скифо-сарматские истоки славянской культуры: Материалы Южнороссийской фольклорно-этнографической экспедиции. Краснодар.
8. Рябчиков, С.В., 2002б. Сарматские надписи из Карачаево-Черкесии // Татауров, С.Ф., Татаурова, Л.В., Томилов, Н.А. (ред.) Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск – Ханты-Мансийск, с. 138-142.
9. Рябчиков, С.В., 2004. Огненное оружие славян, скифов и сарматов // Матющенко, В.И. (ред.) Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, с. 225.
10. Рябчиков, С.В., 2005а. Заметки о скифо-сарматской и славянской культуре (по материалам археологии и этнографии) // Томилов, Н.А., Бережнова, М.Л., Корусенко, М.А. (ред.) Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, с. 172-175.
11. Рябчиков, С.В., 2005б. Истории об амазонках: дополнительные материалы // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання», № 5(1), с. 46-55.
12. Рябчиков, С.В., 2006. Знаки зарубинецкой археологической культуры // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання», № 9(2), с. 38-39.
13. Рябчиков, С.В., 2009. О скифо-сарматских верованиях в Ольвии и на Боспоре // Толочко, П.П. (ред.) Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XV. Запоріжжя, с. 160-163.
14. Рябчиков, С.В., 2010а. Новые данные о скифских царях // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання», № 26(3), с. 9-22.
15. Рябчиков, С.В., 2010б. Материалы и исследования по истории Скифии // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання», № 27(4), с. 27-35.

16. Рябчиков, С.В., 2013. Грифон как идеологический символ (скифы, сарматы, меоты) // Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання», № 34(3), с. 8-14.
17. Рябчиков, С.В., 2021. Скифо-сарматские надписи о боспорском царе Аспурге // Rjabchikov, S.V. The Saved Archives: Part 6. (Chapter 1.) Krasnodar, с. 3-31.
18. Соломоник, Э.И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
19. Compareti, M., 2006. Iconographical notes on some recent studies on Sasanian religious art (with an additional note on an Ilkhanid monument, by Rudy Favaro) // Annali di Ca' Foscari, v. XIV(3), pp. 163-200.
20. Ricci, M., 2002. The cult of the Iranian goddess Anāhitā in Anatolia before and after Alexander // Živa antika, v. 52(1-2), pp. 197-210.

БЕРДАҚ ҒАРҒАБАЙ УЛЫНЫҢ МИЙРАСЛАРЫ

Д. А. Пирназарова

*Тьютор, Қарақалпақ мәмлекетлик
университети,
г. Нукус, Каракалпақстан, Узбекистан*

Summary. The article deals with the main works and poems of the poet Berdakh, which appeared when studying his works.

Keywords: poem; epic; heritage; words; poet.

Бердақ бабамыздың дөретиўшилиги XIX әсирде жасаған қарақалпақ халқының бийбақа алтын ғазийнеси, әдебий хәм тарийхий естелиги болып қалды, себеби оның өз заманындағы жәмийетлик өмирдің барлық тәреплерин сөз еткен әжайып лирикаларындағы, тарийхий – эпикалық дәстанларындағы баян етилген ел-халық традициялары менен тәжрийбелери хәм де турмыс салт-дәстүрлерин жыйнастырғанда оның дөретиўшилиги бизиң ушын баҳасы жоқ тарийхи, этнографиялық дерек болыўы даўсыз.

Әлбетте, усы орынларда қарақалпақлардың 1873 жылы Россияға қосылыўының унамлы хәм унамсыз тәреплериниң де Бердақ шайырға тәсири туўралы айтпай өтиўге болмайды. Қарақалпақ халқының Россияға қосылыўына болған хәрекетлери бир пүтин халықтың екиге бөлиниўине алып келди хәм усы процесс халықтың бирлигине, оның бир тутас миллий сана сезимлериниң алға раўажланыўына тәсирин тийгизди. Бул жағдай Бердақ сыяқлы алдыңғы қатарлы дөретиўши халық ўәкиллериниң көз-қарасларының еки тәрепемелигин туўдырғаны сөзсиз. Усыған қарамастан елде қарақалпақлардың да пүткил Хийўа ханлығының Россияға қосылыўы менен мәдений раўажланыўдың, күнделикли күн көрис дәрежесине, медициналық хәм билимлендириўдің алдыңғы дәўирлерге салыстырмалы түрде алға илгерилеўине мүмкиншиликлер ашқаны анық. Буларды, әлбетте, Бердақ шайыр өз көзи менен көрмей, еситпей қалған емес [1].

Қарақалпақ жерінде патша Россиясының колониялық дәуірі басланады. Бул патша Россиясына қосылған жерлер Әмиўдәрья бөлими деп аталады.

Патша Россиясына өткеннен соң Әмиўдәрьяның оң жағалығындағы қарақалпақлар еки уездик шөлкемлестириледи. Биреуі Шораханда (хәзирги Төрткул) екиншиси алды менен Нөкис елатлы пунктінде, соңынан Шымбайга көшириледи. Шымбай уезди он еки болыслыққа бөлинеди. Негизінде Россия хәмме қарақалпақларға бийлигин Шорахан уезди арқалы әмелге асырған. Шораханда бес болыслық (Сарыбий, Шаббаз, Бийбизар, Қыпшақ хәм Тамды) бар еди. Булар арқалы патша Россиясы Петр I, Александр II Индияны басып алып, Хинд океанына шығыу планын сызады. Сол планды әмелге асырыу үшін Петро Александровск қаласын әскерий база етип қурады. Қалада Оренбургтан әкелинген тас гербиштен салынған еки қабатлы әскерлер жасайтуғын казармалар қурылған. Гербиш хәм басқа қурылыс материаллары Оренбург-Аралск арқалы, кейин Арал теңизи, Әмиўдәрья арқалы параходлар менен алып келинген. Петр I заманында Россия дүньяда ең күшли армияға ийе еди. Сол жылларда Петро-Александровск архитектуралық жақтан сулыу, европалы Россия мәдений үлгилерге жууап беретугын әжайып қала болған. Онда көп әскерлер орналасқан. Патша хәкимети халықтың ден саулығын сақлау мақсетінде Шаббазда емлеухана, Нөкис, Шымбай да медпунктлер пайда етти. Оларда рус халқының врачлары, медицина хызметкерлери хызмет етти. 1890 жылы Шораханда, Шымбайда рус-жергиликли мектеплери ашылды [2].

Әлбетте, бул фактлердің барлығы қарақалпақлардың XIX әсирдің ақыры, XX әсирдің басындағы турмысы, социаль жәмийетлик рауажланыуы үшін үлкен әхмийетке ийе болған өзгерислер еди. Солай болса да Қарақалпақстанның жаңа дәуірі, Россияға қосылғаннан кейин елде прогрессив түрдеги бир қанша өндирис орынлары ашылды, олар иске түсип, бириншиден халық айлық пенен тәмийнленетуғын жумысқа ийе болса, екинши тәрәптен сол ашылған заводлар арқалы халықтың аузына ас-дуз келип қуйылды десек те болады. Атап айтқанда қарақалпақлар Россияға қосылғаннан кейин Мойнақта, Тербенбесте кишкене болса да балық заводлары иске түскен айырым ис билерменлер өсип шығып, басқа қалаларға барып сауда ислеуди үйренип (мысалы, Лепес), сол орынлардан ун, қант, шай хәм тағы басқа азық ауқатлық затларды жергиликли орынларға әкелип сататуғын болған, айырым бөлеклерин қәуендерсиз, жарлы, қәмбағал инсанларға аз муғдарда болса да үлестирип те берген. Бул тууралы жазыушы К. Мәтмуратовтың жаңа идеялық эстетикалық принципте дөретилген «Тербенбес» романында орынлы жазылған.

Қарақалпақ халқының ярымы болса да Россия империясының қол астына өтиуі бир қанша прогрессив әхмийетке ийе болды, елде паракхатшылық турмыс орнады, ең баслысы кулшылық өмир қәлпи биротала бийкар етилди. Демек, усылардың барлығынан Бердақ шайыр сол жылларда жасы елиуге шамаласып қалған жеке шахс сыпатында да хабардар болып, мүмкин ол өзинің барлық шығармаларындағы ашық айдын түрде

билдирилген Хийўа ханлығына қарсы идеялық эстетикалық принциптерди, ой-пикирлер менен образларды Айдос бий, Ерназар алакөз образларындағы батырлық пенен мәртлик қасиеттерди тийкарынан турмыстан, сол туўрысындағы әдебий қахарманлардың прототиплерин ең алғаны менен, ал белгили дәрежеде Россия патшалығына, оның күдиретли күшине арқа сүйеп жазбады ма екен деген пикир туўылыўы тәбийғый. Себеби оның «Излер едим» қосығындағы мынадай қатарлар тегин айтылмаған [3]:

Ақылы кәмил, илими зор,
Билимли ел болмайды қор,
Бахыт ушын силтесе жол,
Орысыятты излер едим.

Демек бундай қатарлардағы, сондай-ақ көплеген лирикалық шығармалардағы өз дәуириниң қарама-қарсылықтарын, зорлық зомбылығын, әсиресе салық сиясатын объективлик пенен реалистлик тереңлик пенен сүүретлеў принциплериниң өткирлесийи, мүмкин. Бердақтың уллы Рус патшалығына арқа сүйеп, оларға исеним билдирип отырып дөреткен қатарлар, ой-пикирлер болса керек. Бул көркемлик идеялық эстетикалық принциптер шайырдың «Шежире», «Хорезм», «Амангелди», «Айдос бий», «Ерназар бий», «Кулен болыс» тарийхый – эпикалық шығармаларында дәуир конфликтлер ашықтан-ашық сүүретлеў, халық ушын туўылған қахарман ул перзентлердиң әдебий образларын дөретиўдеги батыл концепциялар, сүүретлеў усыллары менен көркемлеў куралларының да өткирлесийин усы бағыттан, заманның, халық тарийхындағы жаңа өзгерислер процессиниң Бердаққа тийгизген унамлы тәсиринде туўылған деп есаплаўға туўра келеди.

Библиографик рўйхат

1. Курбанбаев Б. Бердақ хәм өзбек әдебияты. Ташкент: Фан, 1982.
2. Пахратдинов Ә. Бердақтың дәстанлық шығармалары. Нөкис: Билим, 1994.
3. Тойшыбаева С. Қазақ-қарақалпақ әдебиятларының байланысы. – Сб. Казахская литература и её интернациональные связи. Алма-Ата, 1973.



IV. THE REFLECTION OF THE DIFFERENT ART FORMS IN MODERN CULTURE



КОММЕРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО МОДЕРНА В ТВОРЧЕСТВЕ А. А. МЫЛЬНИКОВА

А. В. Попов

*Кандидат искусствоведения, профессор,
Технический университет,
г. Либерец, Чехия*

Summary. The article is devoted to the study of the work of the famous Leningrad painter A. A. Mylnikov (1919–2012). The methods of formal-style and comparative analysis were used in the study. It is established that the aestheticized landscapes of the artist are characterized by separate formal and stylistic features of modernity. This style is characteristic of the pre-revolutionary artists of the "World of Art".

Keywords: art Nouveau; art Nouveau style; artist Andrey Andreevich Mylnikov; painting of the XX century; landscape painting.

Цель исследования установить связь произведений действительного члена Академии художеств СССР, народного художника СССР А. А. Мыльникова (1919–2012), созданных во второй половине XX века, со стилистикой модерна, широко применявшейся в отечественном дореволюционном изобразительном искусстве.

При изучении художественного наследия художника были обнаружены произведения, обладающие следующими формально-стилевыми чертами стиля модерн – уплощением пространства и превращение плоскости холста в некую декоративную плоскость [3, с. 220; 4 с. 247; 5, с. 97], орнаментальностью [2, с. 13; 3, с. 218, 219; 4, с. 212–226], повышенной выразительностью и эстетической самостоятельностью цветового пятна [2, с. 13; 4, с. 247], условным цветом [3, с. 193; 4, с. 256; 5, с. 98].

Установлено, что утверждение плоской изобразительной поверхности и уменьшение пространственной глубины, свойственной для стилистики модерна, А. А. Мыльников достигал за счет следующих приемов, описанных А. А. Федоровым-Давыдовым: фронтального изображения без ракурсов, использования высокого горизонта, то есть «орлиной» перспективы и «сквозной формы» [4, с. 34, 35]. Так, пейзажам «Темный лес» (1955), «Венеция» (1964), «Иней» (1965), «Испанский пейзаж» (1975), «В солнечном лесу» (1976) характерно фронтальное изображение без ракурсов. Работы «Сумерки» (1970), «В Ораниенбауме» (1973) написаны с высокого горизонта. Такие пейзажные виды, как «Прогулка» (1973), «У озера» (1974), «Светлый день» (1975), «Пейзаж» (1977), «Весна в Отрадном»,

«Ранняя весна» (обе 1978) построены на основе использования сквозной формы.

Картины «Сон» (1969), «Встреча в Петровском» (1970), «Купальщицы у реки», «Сон» (обе 1974) обладают повышенной выразительностью и эстетической самостоятельностью цветового пятна, а орнаментальность характерна для картин «Зима в саду» (1966), «В парке» (1973), «Весенний вечер» (1975), «Осенний пейзаж», «Пейзаж» (обе 1976), «Весна в Краснополе» (1978).

Проведенный анализ показал, что цветовой строй многих пейзажей А. А. Мыльникова достаточно сильно отличается от реальной цветовой палитры природы. В таких работах, как «Купание на Черной речке» (1967), «Венеция» (1960), «Зима в Михайловском» (1970), «Дорога в Толедо» (1975) автор использовал условный цвет. Описывая подобные картины В. В. Ванслов писал следующее: «Она подчеркнута декоративна, в ней большая роль принадлежит красивой игре цветовых сопоставлений. Эмоциональное звучание цвета преобладает над предметным» [1, с. 246].

Достаточно часто для эстетизации изображаемого А. А. Мыльников использовал одновременно несколько элементов стилистики модерна. Так, цветовой строй пейзажа «Зима в Михайловском» обладает условностью, а темные пятна, изображающие черные стволы деревьев и ель в левой части работы, на светлом фоне проявляют повышенную выразительность и эстетическую самостоятельность. Картины «Иней» (1965) и «Деревья в инее» (1968) характеризуются условностью цветового строя, уплотненным пространством за счет фронтального изображения и орнаментальностью. При создании пейзажа «Деревья» (1976) автор использовал условный цвет, при изображении цепочки деревьев без ракурсов, кроны которых образуют на поверхности картины некий орнамент. При изучении работы «Купальщицы у реки» (1974) первое эстетическое впечатление возникает у зрителя от эстетически самостоятельного светлого пятна обнаженной женщины, потом приходит осознание также самостоятельной в своем эстетическом звучании картинной плоскости, подчеркнутой сквозной формой орнаментально расположенных ветвей деревьев.

Итоги проведенного исследования свидетельствуют о том, что А. А. Мыльников во второй половине XX века использовал отдельные элементы стилистики модерна, характерного для дореволюционных мастеров творческого объединения «Мир искусства». Причина обращения к художественному наследию мирискусников, может быть объяснена коммеморацией по поводу стиля модерн, то есть с сохранением в коллективной памяти воспоминаний о Серебряном веке русской культуры.

Библиографический список

1. Ванслов В.В. О станковом искусстве и его судьбах. М.: Изобразительное искусство. 1972. 296 с.
2. Гусарова А.П. Мир искусства. Л.: Художник РСФСР, 1972. 102 с.

3. Сарабьянов Д. В. Русский вариант стиля модерн в живописи конца XIX – начала XX века // Сарабьянов Д.В. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М.: Советский художник, 1980. 261 с. С. 182–221.
4. Сарабьянов Д.В. Стиль модерн. М.: Искусство, 1989. 295 с.
5. Федоров-Давыдов А.А. Русское искусство промышленного капитализма. М.: Г.А.Х.Н., 1929. 247 с.

СЦЕНІЧНІ ПРАКТИКИ ХХІ СТОЛІТТЯ: «ОБРИС І МОВА» СУЧАСНОЇ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ДІЙСНОСТІ

С. М. Шумакова

*Кандидат мистецтвознавства, доцент,
Харківська державна академія культури,
Харків, Україна*

Summary. The 21st century asserts stage practices that reflect modern socio-cultural reality, boldly manifest "absolute presence" and look for experimental forms of expression, constantly enter the history of world stage art and may even seem remote from the theater, but only at first glance.

Keywords: stage practices; modern sociocultural reality; postmodern culture; trends of transformational changes.

ХХІ століття затверджує сценічні практики, що відбивають сучасну соціокультурну дійсність, сміливо маніфестують «абсолютну присутність» й шукають експериментальні форми виразності, стало входять в історію світового сценічного мистецтва й можуть навіть видаватися віддаленим від театру, проте тільки на перший погляд. Ці явища порівняно юні, але водночас складні та багатогранні, як сам театр. Їх історія налічує лише десятки років (порівняно з численними сторіччями театру як такого), але за відносно короткий час вони, перебуваючи у неперервному еволюційному процесі, формують очевидні тенденції трансформаційних змін новітнього сценічного мистецтва, які до останнього часу не є достатньо дослідженими, інколи залишаючись поза дослідницькими пошуками. Попри «розпилення» сучасних сценічних форм, безсумнівно, актуальним є їх синтезуюче теоретичне вивчення у всій повноті аспектів, адже навіть лише доторкнувшись до історії сьогоденного сценічного мистецтва можна зрозуміти, що в мистецькому житті варіації сучасних практик, новацій і творчих пошуків, займають місце, набагато важливіше, ніж прийнято іноді вважати.

Мета вивчення сучасних сценічних практик, які всебічно відображають соціокультурний контекст, не в тому, щоб сперечатися з пануючими оцінками театральної критики, але в тому, щоб реконструювати їх історію, визначити місце в культурному житті, зрозуміти сенс сучасних мистецьких пошуків та експериментів, що постають перед нами у всій силі своєї неоднозначності.

Тож обрана тема виключно актуальна в теоретичному та практичному плані, бо відбиває необхідність введення в науковий обіг маловідомих фактів, сторінок історії, що вимагають різнобічного вивчення, окреслюючи проблематику малодослідженого «обрису й мови» сучасних сценічних форм.

За останній час, буквально на наших очах відбулася зміна системи цінностей, життєвих пріоритетів і цілей. Сьогоднішня ситуація призводить до того, що нівелюється сама суть духовної культури, її інтелектуальних і естетичних властивостей, що, вочевидь, помітно й в сценічному мистецтві у світлі запитів часу. Сценічне мистецтво перманентно зазнає трансформацію в сенсі художньої цінності. В силу чого сьогодні сценічні практики все частіше стають місцем експерименту заради експерименту, трибуною для художників-режисерів, які на догоду видовищності не замислюються про сенси, змісти та впливи на глядача. Проблемність ситуації посилюється тим, що постійний пошук інновацій, новітніх засобів і способів вираження, спроби відзначитися в переосмисленні класики і тим самим увійти у світове театральне співтовариство – все це часто веде до псевдодуховної творчості.

Сценічні практики ХХІ століття – жорсткі, експериментальні, новаторські. На наш погляд, в основі цього – філософський підтекст тенденцій нині пануючої культури постпостмодернізму з її зниклою вимогою категоричної новизни, запозиченістю, стиранням всіх кордонів, «еклектичною плюралістичністю», принципово іронічним відношенням і переоцінкою всього, духовною аморфністю, безладям, незавершеністю, ідеєю «смерті Автора», тенденцією «висміювання сакрального» заради «визволення від гноблення мораллю».

Таким чином, сценічні практики бажано поглиблено переосмислювати й робити висновки з того, що останнім часом спостерігається актуалізація принципу, який став нині модним: сучасність «як вона є». Зрозумілим є бажання художників-режисерів занурити глядача фактично в побутові реалії й підкреслити суперечність минулим естетико-моральним традиціям, акцентувати наскільки сильно, власне, змінилися духовні цінності сьогодення. Але за фактом виходить інший ефект: глядач, якому демонструють його ж повсякденну реальність, полишаючи «зустріч з мистецтвом», за інерцією продовжує відчувати себе в тій же самій, абсолютно звичній реальності, не роблячи певних висновків, оскільки «мистецтво» не надає нового змісту – навіть нерідко знижує планку орієнтирів.

АНИМЕ-ИНДУСТРИЯ КАК КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕДИАКОНТЕНТА

Е. Б. Дорошина

*Студентка, ORCID 0000-0002-7492-6418,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия*

Summary. This article explores the history and spread of Japanese animation. Anime as a special genre has taken a strong position in world culture, so understanding its features is very important when studying media content related to Japan. This work gives several iconic examples of the strengthening of the anime industry in the global animation market.

Keywords: anime; Japan; culture; media content.

Японская анимация имеет ряд характерных особенностей, отличающих её от западных мультфильмов. Выделение черт «анимешности» произведения составляет большую работу в первую очередь для визуального анализа. Однако несмотря на схожесть многих полнометражных картин и сериалов между собой, аниме различаются по жанру, способу анимации, озвучки, визуальному стилю и нарративу. Одним из самых распространённых жанров аниме в начале его популяризации были сериалы о девочках-волшебницах. К таким можно отнести «Сейлор Мун», покоровший весь мир. Инухико Ёмота в своей книге «Теория Каваии» пишет о бешеной популярности данного сериала за границей. Девочки в матросках использовались на рекламных баннерах, аниме транслировалось по телевидению, на Рождество появились тематические открытки, а в сувенирных лавках можно было найти фигурки с персонажами. Истории про девочек-волшебниц называют термином махо-сёдзё. Соперничать с ним в популярности на локальном рынке может только киберпанк, «поджанр научной фантастики, описывающий антиутопический мир с его скребущими свинцовое небо мегаполисами, разгулом преступности, тиранией мегакорпораций и т.п.» [1]. Можно заметить, что антиутопии имеют своё место и в аниме-индустрии. Жанр, зародившийся в литературных произведениях, приобрёл новое оформление в виде видеоконтента, и благодаря этому расширил свою аудиторию. Благодаря глобализации аниме-культура распространилась далеко за пределы Японии. Киоски с мангой и DVD-диски можно было найти не только на улицах Токио. Однако, «Намереваясь покорить мировой рынок, Япония в качестве компенсации использует стратегию «стирания японского привкуса»» [2]. Данный тезис говорит о том, что характерные культурные особенности произведений постепенно исчезают. Глобализация стала не только средством распространения аниме, но и фактором, влияющим на его содержание. Японская самобытность подверглась влиянию западной

традиции. Чем масштабнее распространение и потребление аниме, тем сложнее определить нарратив национального бренда, который делает аниме специфичной формой японской анимации [4]. Стирание границ между восточным и западным в контексте аниме проявляется не только на стадии производства, но в процессе адаптации. На примере мировой литературы можно увидеть, что перевод с языка оригинала всегда привносит что-то новое в произведение. Существует теория, согласно которой литература становится мировой при попадании в пространство чужой культуры, которое во многом определяется национальной традицией и нынешними потребностями писателей этой принимающей страны [5]. С этим можно поспорить, учитывая то, что некоторые произведения распространяются в нескольких странах, но не являются мировым достоянием, однако роль перевода и культуры принимающей стороны всё ещё значительна. Понятно, что дословно передать весь смысл произведения невозможно, но основной задачей перевода является позволить зрителю погрузиться в мир истории, созданный оригинальными авторами. Помимо развлекательной функции аниме несёт в себе «a surprising number of metatextual, self-reflective, and even self-critical elements» [3]. Это говорит о том, что понимание контекста очень важно для декодирования всех замыслов произведения. Сериалы и полные метры состоят из сюжета, на который накладываются многочисленные смыслы, которые, зачастую, не помещаются в ограниченный хронометраж. На примере аниме адаптации Акиры, которая была снята по манге, можно проследить, что, в результате технологического детерминизма, концовка получилась куда более короткой. Сериал как медиаформат является более лаконичным и динамичным, чем манга. Суммируя всё вышесказанное, можно сказать, что аниме подвержено влиянию Запада и имеет в себе черты как национальной культуры Японии, так и глобальных тенденций. Также оно весьма разнообразно и может быть разбито по жанрам по тем же принципам, что и литературные произведения. Характерной особенностью сериалов является их динамика, завязанная на визуале и упрощении нарратива, чтобы донести идеи до большего числа зрителей как в стране-производителе, так и за рубежом.

Библиографический список

1. Катасонова Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: Очерки современной японской массовой культуры. М., 2012. С. 134.
2. Инухико Ё. [Inuhiko Y.] Теория Каваии / ред. А. Мешеряков; пер. с яп. А. Беляев. М., 2018. С. 88.
3. Alekseyeva, J. (2019). Book review: Interpreting Anime. *Animation*, 14(2), 164.
4. Suan, S. (2017). Anime's Performativity: Diversity through Conventionality in a Global Media-Form. *Animation*, 12(1), 63.
5. Treat, J. W. (2018). Japan is interesting: modern Japanese literary studies today. *Japan Forum*, 30(3), 430.



V. INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE AND MEDIA CULTURE



МЕДИАМАРКАЗЛАРНИНГ ТАШКИЛИЙ-ИНСТИТУЦИОНАЛ ТИЗИМЛАРИ

Р. А. Арзиев

*Ажсиниёз номидаги Нукус давлат педагогика
институтини таянч докторанти,
Нукус ш.,
Қорақалпоғистон Республикаси, Ўзбекистон*

Summary. The article philosophically analyzes the institutional characteristics and social functions of modern media centers. That is, the opinions of experts and scientists who have specially researched the non-national and non-democratic views spread in the media centers today have been analyzed. Organizational-institutional systems of media centers are divided into traditional and modern types and analyzed. Also, the role of these media centers in the formation of socio-democratic values achieved by our society today is shown.

Keywords: media; media centers; media space; mass media; traditional media; information; communication; technology; function; interconnections.

Медиамарказлар ижтимоий ҳаётнинг таркибий қисми, ҳар бир соҳа, социодемократик тамойилларга мувофиқ, ўз фаолияти, иш режалари ва уларнинг бажарилишлари бўйича аҳолига, жамиятга ахборотлар бериб боради. Бундай замонавий ахборот марказлари деярли барча давлат муассасалари, вазирликлар қошида ташкил этилган. Демак, медиамарказлар, ўзининг социодемократик характерига мувофиқ, ташкилий-институционал тизимларига эга, уларни билиш нафақат биз, шунингдек, келгуси илмий-назарий тадқиқотлар учун ҳам муҳимдир. Медиамарказларнинг ташкилий-институционал тизимларига мувофиқ, анъанавий ва замонавий турларга ажратиш мумкин. Анъанавий турларига:

- газета (жамоа ёки гуруҳ деворий газетаси, меҳнат жамоаси газетаси, қишлоқ ёки аул газетаси, туман газетаси, шаҳар газетаси, вилоят газетаси, расмий газета, мустақил газета, нодавлат газетаси, халқаро газета);
- журнал (оғзаки журнал, радиотележурнал, муассаса журнали, ахборотномалар, тўплам журнал, соҳалар журналлари, бюллетенлар);
- нашриёт (давлат нашриёти, хусусий нашриёт, идора нашриёти, ижодий уюшмалар нашриёти);
- радио (махаллий радио, республика радиоси, муассаса радиоси);
- телевидение (давлат телевидениеси, меҳнат жамоаси телевидениеси, мустақил теледастурлар, уй телекинотеатрлари);
- уй ва ишхона телефонлари (стационар телефонлар, қўлбола телефонлар, хизмат рация телефонлари);

- кинотеатр (стационар кинотеатрлар, сайёр кинотеатрлар, уй кинотеатрлари, давлат киноустановкалари);
- оммавий кутубхона (давлат кутубхоналари, вилоят кутубхоналари, шаҳар кутубхоналари, туман кутубхоналари, қишлоқ ёки аул кутубхоналари, муассаса ёки ихтисослаштирилган кутубхона, хусусий кутубхона);
- китоб ва даврий нашрлар сотиладиган дўконлар (стационар китоб дўконлари, киоскалар, кўчма лавкалар);
- почта (давлат почтаси, халқаро почта, авиапочта, темир йўл почтаси, курьер хизмати);
- билим уйлари (халқ университетлари, китобсеварлар клублари ва жамиятлари, маърузахоналар, қизиқувчилар тўғарақлари, изтопарлар клуби, ҳаваскорларнинг илмий жамиятлари);
- радиотеле устахоналар (ҳаваскорлик илмий – техник тўғарақлари, ёш комонавтлар, авиасозлар, компьютерчилар ва роботсеварлар клублари);
- бадий ижодий уюшмалар (журналистлар уюшмалари, ёзувчилар уюшмалари, ёш қаламкашлар тўғарақлари, ёш бадий танқидчилар клуби) ва бошқалар киради. Улар асосан Республикамизда XX асрда шаклланган ва оммалашган. Кўриниб турибдики, медиамарказларнинг анъанавий турлари жуда кенг, кўпгина социумларда улар ханузгача устувор ўринни эгаллайди. Бизда ҳам улардан воз кечилган эмас, улар ижтимоий борлиғимизнинг таркибий қисмидир. Бугун жамиятимиз эришган социодемократик кадриятларнинг шаклланишида ушбу медиамарказлар муҳим рол ўйнаган. Замонавий медиамарказларнинг юзага келиши ҳам улар билан боғлиқ бўлиб, институционал ва функционал жиҳатдан уларни давом эттиради. Биз уларнинг бугунги фаолиятдан, кўрсатаётган социодемократик хизматларидан мутлақ воз кечолмаймиз, улар тадқиқотимизнинг муҳим объектларидир.

Анъанавий медиамарказлар турлари ва тизимларининг ташкилий тузулиши советлар давридаги тартибларга мувофиқ эди. Агар давлат кутубхоналари, нашриётлар, почта хизматлари расмий ташкилотларга, аввало давлатга қарашли бўлса, ҳаваскорлик уюшмалари ва тўғарақларини аҳолининг, кишиларнинг ўзлари ташкил қилишган. Бироқ бу тизимлар ҳам коммунистик идеология назорати остида эди, уларда ғайрикоммунистик фикрлар, ғоялар ва сўзларни айтиш тақиқланган. Бадий эстетик ва илмий – техник ижодга, эркинликка руҳсат бор эди, аммо уларнинг ҳам коммунистик ахлоқ нормаларига мувофиқ фаолият олиб бориши шарт эди. Социалистик демократия коммунистик идеология доирасидаги демократия эди. Унда буржуазия, чет элликлар, империалистлар риоя этадиган, мақтайдиган нормалар, кадриятлар синфий манфаатларимизга мувофиқ келмайди, иложи борича барча тарғибот ва ташвиқот ишларимиз социалистик демократия талабларига мувофиқ бўлсин, деган ақида устувор эди.

Буржуа демократиясида ҳам умуминсоний манфаатларга мувофиқ келадиган нормалар, ғоялар ва фикрлар борлиги хаёлга келмасди.

Юқоридаги тизимларни мутлақ нотўғри, зараркунанда ва ҳеч қандай позитив аҳамияти йўқ нарсалар сифатида нигилистча рад этмаслик керак. Улар этномаданий ҳаётимизнинг таркибий қисмлари бўлган. Уларнинг фаолияти, аҳамияти ва тузилишини объектив баҳолаш зарур. Тарих фанлари докторлари, профессорлар О. Қосимова ва Э. Охунжанов, тадқиқотчилар Т. Эрناзаров, С. Шадмонова ва Н. Абдуазизоваларнинг асарлари, мақолалари кўрсатадики, ўлкамизда чоп этилган илк газета ва журналлар, яъни “Туркистон вилоятининг газети” (1870), “Туркистанские ведомости” (1870), “Самарқанд” (1913), Оина” (журнал, 1913), “Нашириёти Бехбудий” (нашриёт, 1913), “Хуррият” (1917) институционал нуқтаи назаридан расмий ва норасмий нашрлар бўлган. “Туркистанские ведомости” ва унинг ўзбекча тилдаги иловаси “Туркистон вилоятининг газети” генерал губернаторнинг махсус нашри эди. Унда аввало расмий хабарлар, оқ пошшонинг қабул қилган қарорлари, маҳаллий аҳолига тааллуқли кўрсатмалари ҳамда илм, фан, саноат, ишлаб чиқариш, аниқса пахтачилик ва маданий ҳаётга оид хабарлар, мақолалар бериб борилган. Газета ўзбек, қозоқ ва қирғиз тилларида ойига 2–4 марта чоп этилган. Газета генерал губернатор рухсати билан нашр қилинган. Уларга маҳаллий аҳоли вакили Шоҳимардон Иброҳимов ва Муҳаммадҳасан Чанишев, кейинчалик Н. П. Остроумов муҳаррирлик қилишган. Газета Гьесинфорс, Қозон, Қоғор, Бахчасарой, Москва, Омск ва Петербургга тарқатилган. Газета 1916 йилгача чиққан. Қолган “Самарқанд” ва “Хуррият” газеталари, “Оина” журнали эса жадиждчиларнинг, айниқса М. Бехбудийнинг ташаббуси билан нашр этилган [1]. Чоп этилган асарлар (масалан, Бехбудийнинг “Падаркуш” пьесаси) ва мақолалар аҳолини дунёда бўлаётган ўзгаришлардан, илий техник янгиликлар ва бозор иқтисодиётига хос бўлган савдо – сотиқ ишларидан хабардор қилиб борган. Уларга бўлган қизиқиш зиёлилар ичида шунчалик кучли бўлганки, нашрнинг келгуси сонини кўлга олишга иштиёқмандлар тонгда бориб киоскаларга навбат олишган. Ижтимоий-сиёсий, социодемократик характердаги материаллар кам берилган, бироқ улар, генерал губернатор назоратида бўлса-да, маҳаллий аҳолининг эркинлик, миллий давлат куриш, истиқлол ҳақидаги тасаввурларини шакллантирмай қолмаган. Жадиждлар А. Қодирий, М. Бехбудий, Мунаввар қори Абдурашидхонов, Фитратларнинг янги мактаблар очиш, маърифат ва таълим борасида илгари сурган ғоялари, айниқса миллатни уйғотишга, ўзини англашга, тарихини билишга даъватлари социодемократик қарашлар эди. Мустамлакачиликнинг асл моҳияти ўлкани Чор Россиясига қарам қилиш, унинг табиий бойликларини ўзлаштириш бўлганини жадиждлар очик айтолмаган, бироқ улар асарларида миллатни уйғотишга қаратилган даъватлар, илмий маърифатга чорлашлар моҳиятан миллий-маданий ва социодемократик тараққиётга ундаш эди.

Мутахассисларнинг келтиришича, “Туркистон вилояти газети” маҳаллий аҳолининг маърифатга, илмий – техник ижодга ва мустақил

фикрлашга ундаш мақсадида газета нархини арзон ва унда мақоласи нашр этилган муаллифларга катта ганорарлар тўлаган. Масалан, газета нархи 5 тийин бўлган ҳолда, маҳаллий аҳолидан чиққан муаллифга ҳар бир ҳарф учун 1 тийин ганорар тўланган. “Агар мақола 300 сўз бўлса, муаллиф 3 сўм миқдорида ганорар олган. Уша даврларда бу муносиб пул эди!” [2]. Бу ўринда гап социодемократик фикрлашга маҳаллий аҳолини ўргатиш, унда мустақил фикр, сўз эркинлигини, ижод қилиш кўникмаларини моддий воситалар билан қўллаб-қувватлаш устида кетмоқда. Бугун ўша даврларга тош отаётган “мутахассислар” нафақат юқоридаги ганорарни, замонавий матбуотнинг ўлкада шаклланишида расмий нашрлар етакчи ўринни эгаллаганини эсга олса, воқеликка объектив ёндашган бўларди. Жадидчилар, нодавлат нашрларининг юзага келиши мана шу расмий нашрлар заминида, улар таъсирида пайдо бўлганини унутмаслигимиз керак. Минг афсуски, жадидлар ва нодавлат нашрлар ўз муаллифларига меҳнат ҳақи, ганорар тўлагани ҳақида ҳеч қандай манба йўқ. Ушбу анъана то ҳанузгача миллий ахборот тизимларида, газета журналларимизда сақланиб қолмоқда, ваҳоланки, советлар даврида муаллифнинг ҳар бир чиқиши, ҳатто “Билимлар уйи”да, халқ университетларида маърузалар ўқиши, вилоятларга бориб чиқишлар қилиши ишга, меҳнатга ҳақ тўлаш тарзида баҳоланган. Бизнинг нашриётчиларимиз эса, бозор иқтисодиётига ўтиш байроғи остида, муаллифларга ҳақ, ганорар тўлашни унутишди, натижада зиёлининг интеллектуал изланишлари ва меҳнати қадрланмай қолди. Амалдорлар, айниқса вазирлар, уларнинг ёрдамчилари, департаментлар раҳбарларининг биринчи шахс ўқийдиган газеталарда тинмай чиқишлар уюштириши ғоят ҳайрат, таажжуб уйғотади. Сийқа, ижтимоий фикрга деярли ҳеч нима қўшмайдиган, баённома тарзидаги мақолалар медиамарказларнинг объективлик, ҳозиржавоблик ва долзарблик принципларига мувофиқ келмайди, бу эса ўқувчини нашрдан узоқлаштиради. Ҳозирги ёшларда замонавий билимларга, айниқса ижтимоий-сиёсий таълимотларга қизиқишнинг пастлиги ва “кўча демократияси”га мойиллигининг боисини мана, қаердан излаш зарур.

Бозор иқтисодиёти медиамарказларнинг юқори профессионализмда янгилик излаши, янгиликни тарғиб этиши билан боғлиқ функцияларини унутишга асос бўла олмайди.

Библиографик рўйхат

1. Қосимова О. Кутубхонашунослик. – Тошкент: “Ўқитувчи”, 1976; Охунжанов Э. История письменности и книгоиздательства в Средней Азии. – Тошкент: “Фан”, 1989; Эрназаров Т. Ўзбек журналистикаси. – Тошкент: “Шарқ”, 2003; Шадмонова С. Туркистон тарихи матбуот кўзгусида. – Тошкент: “Yangi nashr”, 2004.
2. Тожимаматова М. “Ўзбекистон Миллий кутубхонасининг қўлёзма ва китоб мероси” номли китоб альбом тайёрланмоқда // “Маданият”, 2021, 17 июль.



**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2022 ГОДУ**

Дата	Название
28–29 сентября 2022 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2022 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
12–13 октября 2022 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2022 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2022 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2022 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2022 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2022 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2022 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2022 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
7–8 ноября 2022 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2022 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2022 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2022 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2022 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2022 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2022 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,075. • SJIF – 6,492
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor(Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,966 • SJIF – 6,295

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
International Islamic Academy of Uzbekistan
Penza State Technological University
Belarusian State Academy of Music
New Bulgarian University

TRADITIONAL AND MODERN CULTURE: HISTORY, ACTUAL SITUATION, PROSPECTS

Materials of the XII international scientific conference
on September 20–21, 2022

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 28.09.2022.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 3,3.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosphere.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz

СРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИЙ И ДРУГИХ КНИГ



*Два места издания Чехия или Россия.
В выходных данных издания
будет значиться*

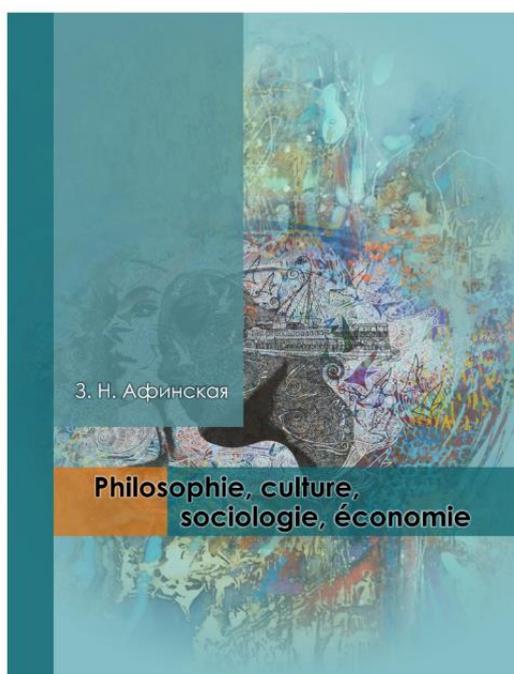
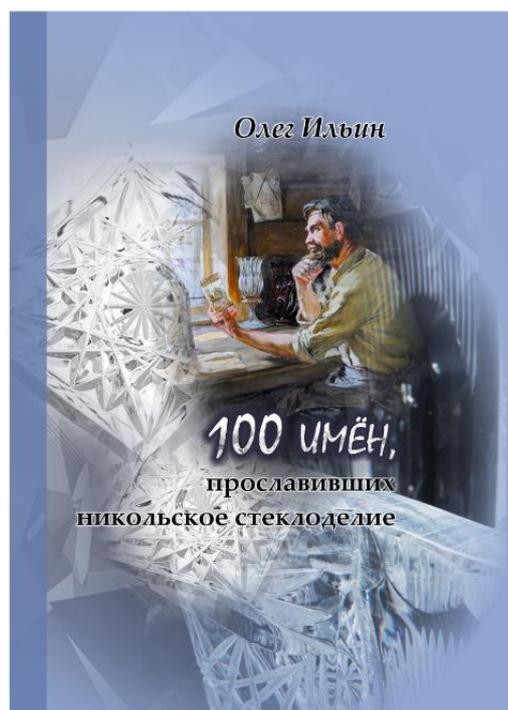
**Прага: Vědecko vydavatelské
centrum "Sociosféra-CZ"**

или

**Пенза: Научно-издательский
центр "Социосфера"**

РАССЧИТАТЬ СТОИМОСТЬ

- Корректурa текста
- Изготовление оригинал-макета
- Дизайн обложки
- Присвоение ISBN



У НАС ДЕШЕВЛЕ

- Печать тиража в типографии
- Обязательная рассылка
- Отсудка тиража автору